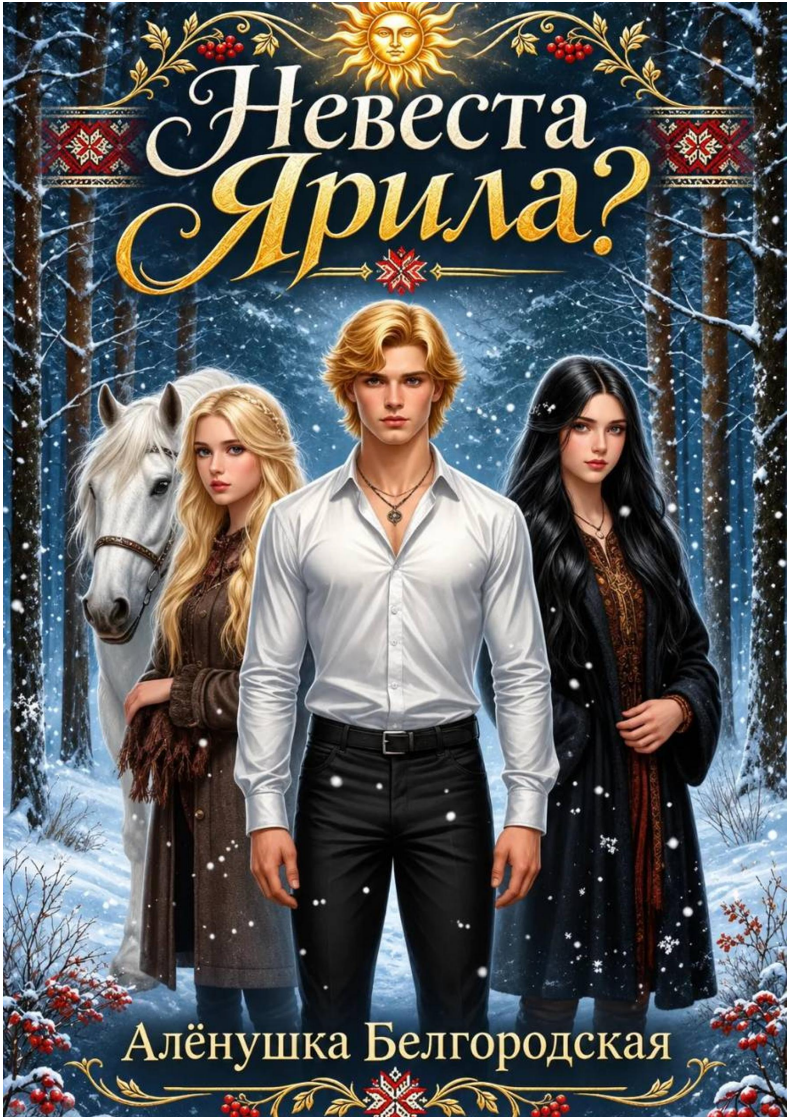

Невеста Ярила?
Алёнушка Белгородская

Алёнушка Белгородская
Невеста Ярила?

https://litres.ru/74816004
SelfPub; 2026

Аннотация

Светлана приезжает из Москвы в глухую деревню Кривичи Псковской области, чтобы сбежать от предательства и начать жизнь заново. Но в лесу за деревней она встречает не человека — древнего бога Велеса, который говорит, что старые славянские боги не умерли, а лишь заснули, когда люди забыли их имена.

Вскоре Светлана узнаёт, что она — последняя из рода хранительниц, связанного с молодым богом весны Ярилой. На ней лежит древний долг: удерживать границу между Явью — миром живых — и Навью, царством мёртвых и забытых. Но Морана, богиня зимы, смерти и забвения, уже нашла Светлану и начинает стирать имена жителей Кривичей.

Чтобы спасти деревню, Светлана должна спуститься в Навь, узнать страшную тайну договора между богами и людьми — и решить, готова ли она принять силу, которой боится.

Но враг ли Морана? И правда ли она невеста бога Ярила?

«Невеста Ярила?» — мистический роман о древней славянской мифологии, любви, памяти и выборе между страхом и свободой.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 13
Глава 3 24
Глава 4 37
Глава 5 47
Глава 6 56
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Алёнушка Белгородская Невеста Ярила?

Глава 1

Тот, кто живёт под корнями

Светлана вышла из автобуса на остановке, которой не было ни на одной карте.

Водитель посмотрел на неё так, словно она попросила высадить его посреди болота.

— Здесь дальше пешком, — сказал он. — Тропа за церковью. Только не ходи в лес после заката.

— А почему? — спросила она, хотя ответ уже не хотела слышать.

— Потому что лес помнит.

Автобус уехал, оставив её на обочине с чемоданом, рюкзаком и телефоном, на котором почти не ловила связь. Впереди темнела Псковская область: низкие холмы, мокрые поля, редкие избы с покосившимися крышами и лес — бесконечный, чёрный, стоявший за деревней стеной.

Деревня называлась Кривичи.

Светлана собралась приехать сюда три дня назад, после того как увидела переписку Артёма с другой женщиной. После этого она не закатила истерику, не устроила скандал —

просто почувствовала холодную, точную ясность: он был не с ней уже давно. Москва вдруг стала тесной, чужой, пахнущей чужими духами и чужой жизнью. Она нашла в интернете объявление о съёме старого дома в глубинке, перевела деньги, собрала чемодан и уехала.

Она хотела исчезнуть.

Но в Кривичах, кажется, исчезать было опасно.

Кривичи не были похожи на деревню из рекламных фотографий.

Там не было аккуратных заборов, ухоженных клумб и деревянных табличек с названиями улиц. Только длинная единственная дорога, уходившая от остановки между покосившимися избами. Дома стояли неровно, будто их расставил не человек, а ветер: один — ближе к дороге, другой — отвернувшись от неё, третий — вовсе спрятавшийся за старой яблоней.

Крыши были темными от мха. На некоторых ещё держались печные трубы, из которых в холодном воздухе поднимался ровный дым. Где-то лаяла собака. Где-то скрипел флюгер. Где-то женщина в платке колола дрова, не поднимая головы.

Светлана шла по дороге и чувствовала, что на неё смотрят.

Не люди.

Окна.

Тёмные, отражающие серое небо. За стёклами не видно

было ни занавесок, ни света. Будто дома смотрели на неё пустыми глазами и решали, можно ли её впустить.

У колодца стояли две старушки. Они замолчали, когда Светлана подошла ближе.

— Здравствуйте, — сказала она.

Старушки переглянулись.

— Здравствуй, — ответила одна. — Ты к Нюре?

— Да.

— Значит, в Нюрин дом.

Вторая старушка покачала головой.

— Ох, девочка. Лучше бы ты в город вернулась.

— Почему?

Старушки не ответили.

Они просто пошли дальше, тихо переговариваясь между собой. Светлана услышала только одно слово:

— Ярилово…

Она не поняла, что оно значит. Но почему-то стало холодно.

Дом, который она сняла, стоял на краю деревни. За его огородом начинались поля, за полями — лес. Он не был похож на обычный лес. Слишком тёмный. Слишком плотный. Слишком старый.

Сосны в нём были высокими, сухими, с длинными голыми стволами. Между ними темнели ели, а под ними лежал мох — зелёный, мокрый, глубокий. Деревья стояли так близко друг к другу, что между ними не было видно неба. Будто лес

не рос вверх, а смыкался над землёй, пряча что-то внутри.

Светлана долго смотрела на него с крыльца. Ей казалось, что лес дышит. Медленно. Тяжело, как огромное спящее животное. Хозяйка, сухая старушка с внимательными серыми глазами, передала ключи и сказала:

— В бане не топи после полуночи. У колодца не смотри в воду, если слышишь своё имя. И если в лесу встретишь мужчину в сером — не бери у него ничего.

— Это шутка? — спросила Светлана.

Старушка посмотрела на неё долго.

— Нет.

Потом добавила:

— Дом старый. Но крепкий. Здесь жили женщины твоего рода.

— Моего рода? — Светлана нахмурилась. — Откуда вы знаете?

Старушка лишь улыбнулась — одними губами, не глазами.

— Земля знает своих.

И ушла.

В доме пахло сыростью, старым деревом и сушёными травами.

Светлана нашарила выключатель. Лампа мигнула, вспыхнула, погасла. Она попробовала ещё раз — и свет всё-таки загорелся, тусклый, жёлтый, дрожащий. В комнате стояла печь, покрытая белой кафельной плиткой. У окна — стол,

накрытый клеёнкой в мелкую клетку. На стене висели пучки трав, которые Светлана не могла назвать. Под потолком качалась лампа, хотя ветра не было.

Она открыла окно. За ним лежали мокрые поля. А дальше — лес. Светлана закрыла окно. В ту ночь она не спала. Сначала ей казалось, что за стеной кто-то ходит. Потом — что под полом что-то шевелится. Потом она услышала голос. Тихий. Низкий. Он произнёс её имя « Светлана…»

Она села на кровати. Голос повторил:

— Светлана.

Не из-за двери. Не из-за окна. Из-под пола. Из-под земли. Она зажгла свет. Постояла посреди комнаты, слушая, как стучит собственное сердце. Голос исчез.

А утром на подоконнике она нашла мокрый след. Большой. Босой. С пальцами, похожими на корни.

На второй день Светлана пошла в лес.

Она не собиралась далеко уходить. Просто хотелось дышать. В Москве её дни состояли из метро, офиса, кофе и сообщений, на которые не хотелось отвечать. Здесь же воздух был таким плотным, что казался почти жидким: пах хвоей, прелой листвой, грибами и чем-то ещё — сырым, глубоким, как земля под корнями.

Тропа вела между соснами. Она была узкой, почти незаметной. Ветви цеплялись за куртку. Под ногами хрустели шишки и сухие иглы. Иногда Светлана видела на мху следы — то ли лосиные, то ли волчьи, то ли человеческие. Она не

хотела думать об этом.

Она шла, не замечая времени. Солнце то показывалось между ветвями, то исчезало. Где-то стучал дятел. Где-то тихо трещала ветка. Где-то далеко, за стволами, что-то тяжело переступило с ноги на ногу. Светлана остановилась. Прислушалась. Ничего.

Она двинулась дальше, но внезапно лес замолчал. Сразу — весь. Не стало птиц. Не стало ветра. Даже её шаги перестали звучать так, будто она шла по земле.

Встревоженно остановившись, она увидела перед собой мужчину. Он не появился из-за деревьев. Он просто был там — словно стоял всегда, а она только теперь разглядела его.

Высокий, в длинном сером плаще, с бородой, в которой запутались сухие листья. Лицо у него было человеческим — но слишком неподвижным, как у деревянной маски. Глаза казались тёмными не потому, что были чёрными, а потому, что в них не отражался свет.

— Ты не здешняя, — сказал он.

Голос был низким, спокойным. Таким, от которого в груди что-то глухо отозвалось.

— Я приехала из Москвы, — машинально ответила Светлана.

— Это я понял. — Он чуть наклонил голову. — Я спросил не откуда.

Она сделала шаг назад. Под ногой хрустнула ветка.

— А вы кто?

Мужчина посмотрел на неё так, будто вопрос был очень старым.

— Хозяин этого леса.

— Леший?

На его лице не появилось улыбки, но что-то в глазах дрогнуло.

— Люди зовут меня по-разному. Леший. Лесовик. Дед. Хозяин. Иногда — Велес.

Светлана замерла. Она знала это имя. Не из школьной программы, не из сериалов — из старой книги, которую когда-то нашла у бабушки на чердаке. Там были рисунки: рогатый бог, медведь, змея, лес, вода, мёртвые под корнями деревьев.

— Велес умер тысячу лет назад, — сказала она.

Мужчина медленно поднял голову. Над ним сомкнулись ветви, и на мгновение Светлане показалось, что он выше сосен.

— Боги не умирают, — произнёс он. — Их забывают. Забывают их имена. А забвение — не смерть. Это сон.

Светлана не могла пошевелиться. Она хотела бежать. Хотела закричать. Хотела достать телефон и позвонить кому-нибудь — кому угодно. Но тело не слушалось. Велес смотрел на неё — не угрожающе. Не ласково. Просто смотрел. Так, как смотрят на то, что давно ждали.

— Ты боишься, — сказал он.

— Да.

— Хорошо. Страх — это память тела. Он помнит то, что разум забыл.

— Я не понимаю.

— Пока — нет.

Он сделал шаг вперёд. Светлана отступила. Под ногой хрустнула ветка. Велес остановился.

— Я не причиню тебе вреда, — сказал он. — Пока ты не возьмёшь чужого.

— Что?

— Ничего. Пока — ничего.

Он протянул руку. На ладони лежал маленький свёрток из бересты.

— Возьми.

Светлана замотала головой.

— Нет.

Велес посмотрел на неё. В его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Умница.

Он положил свёрток на землю.

— Тогда просто не наступи.

И исчез. Не ушёл. Не растворился, как показывают в современных фильмах. Просто исчез — так, будто его никогда не было.

Лес снова ожил. Ветер прошёл по верхушкам деревьев. Где-то закричала птица. Светлана моргнула — и на тропе никого не было. Только на мокрой земле остались следы: не че-

ловеческие, не звериные. Широкие, тяжёлые отпечатки, будто по тропе прошёл кто-то босой, с пальцами, похожими на корни.

Светлана долго стояла, не двигаясь. Потом опустилась на колени. Подобрала свёрток. Он был тёплым. Она развернула его. Внутри лежал сложенный лист бересты. На нём углём, неровными древними буквами, было написано:

«Не верь Моране. Она уже нашла тебя.»

Светлана почувствовала, как по спине проходит холод. Она никогда не слышала этого имени. Но тело — почему-то — узнало. А далеко, за деревьями, в стороне деревни, зазвенел колокол. Не церковный. Не человеческий.

Глава 2

Ярилина кровь

Светлана не помнила, как дошла до дома. Она помнила только бересту в пальцах, далёкий колокол и слова, написанные углём:

«Не верь Моране. Она уже нашла тебя.»

Дома она долго сидела на полу у холодной печи, не включая свет. За окном темнело рано. В трубах что-то глухо стучало — то ли ветер, то ли вода в старых трубах, то ли чьи-то пальцы. Наконец она включила лампу. На бересте, кроме предупреждения, проступили новые знаки. Сначала Светлана решила, что это трещины. Потом заметила: линии складывались в круг, а внутри круга был цветок с восемью лепестками. Вокруг него шла надпись, похожая на старославянские буквы.

Она сфотографировала бересту и загрузила снимок в переводчик. Телефон думал долго. Потом на экране появилось:

«Ярина кровь не гаснет. Ярилина невеста просыпается.»

Светлана уронила телефон.

Первые дни в Кривичах тянулись медленно. Светлана просыпалась от тишины. В Москве тишины почти не бывало: за окном всегда что-то гудело, где-то ехали машины, сосед включал телевизор, лифт скрежетал в шахте. Здесь же утром

было слышно, как капает вода с крыши, как в сарае переступает с ноги на ногу коза, как далеко-далеко лает собака.

Она пыталась работать из дома, но связь ловила только у окна на кухне. Иногда сообщение уходило с третьей попытки. Иногда — не уходило вовсе. Поначалу это раздражало. Потом стало почти облегчением.

Дом, который она сняла, был старым, но крепким. Печь занимала почти половину кухни. Светлана не умела её топить. В первый вечер она положила дрова, подожгла бумагу, а через десять минут весь дом заполнил едкий дым. Она выбежала на крыльцо, кашляя, и увидела бабу Нюру, которая стояла у соседского забора с ведром.

— Что, москвичка, печку победить не можешь? — спросила она.

— Не могу.

Баба Нюра вздохнула, вошла в дом, открыла заслонку, подбросила бересты, поправила дрова. Через десять минут в печи загорелся ровный огонь.

— Смотри, — сказала она. — Не жалей мелких поленьев. И не закрывай заслонку, пока не разгорится. Иначе дым пойдёт в дом, а не в трубу.

— А если я всё равно не пойму?

— Тогда будешь приходить ко мне. У меня печь старая, но добрая.

Светлана кивнула. И с того дня каждое утро слышала, как баба Нюра стучит ведром о крыльцо.

По утрам деревня просыпалась рано. В шесть часов где-то за холмом начинал лаять пёс. Потом к нему присоединялся другой. Потом где-то хлопала дверь, скрипело ведро, звенело железо у колодца. Светлана вставала, открывала окно — и первое, что видела, был лес.

Он стоял за полями, тёмный и неподвижный. Иногда над ним поднимался туман — белый, плотный, лежащий на земле, как сброшенная простыня. Иногда туман поднимался выше и обвивал стволы деревьев, и тогда лес казался не лесом, а огромным серым зверем, который медленно поднимает голову.

Светлана заваривала чай. Воды из-под крана пахло железом. Хлеб она покупала в магазине у остановки — чёрный, плотный, с толстой коркой. Молоко было домашним, с густыми сливками, которые оседали на дне банки.

Она училась жить заново. Училась не включать свет днём, пока солнце не зайдёт за холмы. Училась носить резиновые сапоги, потому что после дождя дорога превращалась в грязь. Училась не удивляться, когда соседка через забор спрашивала, не хочет ли она картошки «с бота». Сначала Светлана отказывалась. Потом согласилась. И получила целое ведро.

В деревне её быстро заметили. Сначала просто потому, что она была новой. Потом — потому, что она сняла дом бабы Нюры, а этот дом стоял слишком близко к лесу.

Старики здоровались с ней кивком, но разговоров не за-

водили. Дети провожали её взглядами из-за заборов. Мужчины, которые утром шли к машине или трактору, смотрели на неё молча, но внимательно.Женщины у колодца переговаривались вполголоса.

Светлана слышала обрывки:

— Городская…

— Из Москвы…

— В Нюрин дом…

— Ярилова кровь…

Она делала вид, что не слышит. Однажды, когда она шла к магазину, старик Пётр Лукич вдруг сказал:

— Не ходи к воде после захода.

— Почему?

Он посмотрел на неё так, будто она задала очень глупый вопрос.

— Потому что вода запоминает лица.

И ушёл, не объяснив ничего. Светлана смеялась над этим. Первые два дня. Потом перестала.

Магазин в деревне был маленьким, деревянным, с вывеской, на которой почти стёрлась краска. Внутри пахло хлебом, сыром, моющим средством и чем-то сладким — конфетами, наверное. За прилавком стояла женщина лет сорока — Зина. Она всегда была в фартуке, всегда с усталым лицом, но улыбалась легко.

— Ну что, московская, привыкла? — спрашивала она каждый раз.

Светлана кивала. А Зина смотрела на неё внимательнее, чем нужно. В магазине продавали всё понемногу: хлеб, молоко, макароны, крупы, консервы, свечи, спички, таблетки от головы, резиновые сапоги, мотки ниток, детские игрушки. На стене висел календарь с церковным праздником. На прилавке стояла банка с леденцами. Светлана покупала хлеб, чай, макароны, тушёнку. Зина каждый раз говорила:

— Ты слишком мало берёшь. В деревне так нельзя. Надо брать сразу на неделю.

— А если я уеду?

Зина пожимала плечами.

— Тогда отдашь соседям.

Светлана улыбалась. И впервые за долгое время улыбка была настоящей.

Привыкнув к «благам цивилизации» первое время, казалось, что жить просто невозможно. Баня стояла за огородом. Светлана не топила её после полуночи — как велела баба Нюра. Но однажды, вечером, она всё-таки решила попробовать. Внутри было темно. Пахло берёзовым веником, дымом и старым деревом. На полке лежали шайки, ковши, пучки сушёных трав. На стене — полка, на которой стояла бутылка с мутной жидкостью.

Светлана не стала её трогать. Она налила воды в бак, разожгла огонь, села на лавку и стала ждать. Пока баня нагревалась, она слушала. За стеной шумел лес. Где-то ухнула птица. Где-то хрустнула ветка. А потом Светлана услышала своё

имя.

— Светлана.

Она замерла. Голос был тихим. Женским. Маминым.

— Мама? — прошептала она.

Голос не ответил. Светлана выбежала из бани. На улице было темно. Над деревней стояли звёзды — много, ярко, как в детстве. В окнах соседских домов горел свет. Где-то лаяла собака. И всё было обычным. Кроме одного. У колодца стояла женщина в белом. Она не двигалась. Светлана не подошла. Она вернулась в дом, заперла дверь, села у печи и не спала до утра.

Баба Нюра жила в соседнем доме. Каждое утро она выходила на крыльцо с кружкой кипятка и подолгу стояла там, глядя на лес. Светлана сначала думала, что старушка просто любит свежий воздух. Потом заметила: баба Нюра никогда не смотрела на лес прямо.

Всегда чуть в сторону. Как будто боялась встретиться с кем-то глазами. На третий день после встречи с Велесом Светлана принесла ей банку мёда, купленную в магазине.

— Это вам, за дом.

Баба Нюра взяла банку, посмотрела на этикетку и усмехнулась:

— Из магазина, значит…

Она открыла дверь пошире.

— Заходи, раз уж пришла. Чаю попьёшь.

В доме пахло сушёными травами, печным хлебом и чем-

то горьким — полынью, наверное. На стенах висели пучки растений, вышитые рушники, старые фотографии в деревянных рамках. На одной из фотографий Светлана заметила молодую женщину в белом сарафане.

— Это кто? — спросила она.

Баба Нюра даже не повернула головы.

— Не важно.

Но Светлана заметила, как у старушки дрогнули пальцы. Они сели за стол. Баба Нюра налила чай в толстые глиняные чашки. Светлана хотела спросить о Велесе, о бересте, о предупреждении.

Но вместо этого сказала:

— Мне приснилось, будто меня зовут невестой.

Баба Нюра замерла с чашкой в руках.

— Кто зовёт?

— Мужчина. Молодой. В белом. На белом коне.

Старушка медленно поставила чашку на стол.

— Ярило.

Светлана вздрогнула.

— Вы знаете его?

Баба Нюра долго молчала. Потом встала, подошла к сундуку у стены и открыла его. Внутри лежали старые платки, клубки ниток, деревянные ложки. Она достала свёрток в холщовой ткани и положила перед Светланой.

— Моя мать рассказывала. А её мать — ей. В нашей деревне это не сказки, девочка. Это память.

Светлана развернула свёрток. Внутри лежал маленький деревянный конь. Потемневший от времени, с трещиной вдоль спины. На его шее был вырезан цветок с восемью лепестками. Точно такой же, как на бересте.

— Это Ярилов конь, — сказала баба Нюра. — Его делали для девушек из рода хранительниц. Не всем. Только тем, кого звали к огню.

— К какому огню?

Старушка села напротив.

— Ярило не просто бог весны, как в твоём интернете пишут. Он — тот, кто возвращает жизни силу. Но сила без границ становится голодом. Поэтому рядом с ним всегда была женщина. Не рабыня. Не игрушка. Хранительница.

Светлана смотрела на деревянного коня.

— И что она делала?

— Держала границу. Между Явью и Навью. Между жизнью и смертью. Пока хранительница помнила своё имя, Морана не могла перейти через эту границу.

— Морана?

Баба Нюра кивнула.

— Богиня зимы. Смерти. Забвения. Она не всегда злая, как люди любят рассказывать. Но она голодна. И если ей не преградить путь, она забирает не только жизнь. Она забирает имена. Лица. Память. Любовь.

Светлана вспомнила бересту.

«Не верь Моране. Она уже нашла тебя.»

— Почему она ищет меня?

Баба Нюра посмотрела на неё долгим взглядом.

— Потому что ты не просто приехала сюда, Светлана. Твой род отсюда. Из Кривичей. Давно назад ушли в город, имя сменили, веру забыли. Но кровь не забывается.

Светлана почувствовала, как по спине проходит холод.

— Какой род?

— Рода Ярилова. — Баба Нюра произнесла это с опаской, будто называла болезнь. — Твоя прабабка была последней жрицей. Анастасия. Она уехала в город, когда начались беды. Но перед этим оставила здесь вещь.

Она кивнула на деревянного коня.

— Эту?

— Нет. Коня я хранила. А Настасья оставила кое-что другое.

Баба Нюра встала, подошла к печи и достала из-за неё маленький свёрток. Внутри было кольцо. Тонкое, серебряное, с камнем, похожим на застывшую каплю воды. Но камень не отражал свет. Он будто впитывал его.

— Это кольцо хранительницы, — сказала баба Нюра. — Настасья велела отдать его той, кто придёт из её крови. Я ждала много лет.

Светлана не двигалась.

— А если я не хочу?

Старушка посмотрела на неё с неожиданной нежностью.

— Тогда Морана всё равно найдёт тебя. Вопрос только в

том, встретишь ли ты её сильной — или пустой.

Светлана взяла кольцо. Оно оказалось тёплым. Как будто кто-то только что носил его. В тот же момент за окном хлопнула форточка. На подоконнике появился венок. Свежий. Из васильков, ромашек, колокольчиков и тонких веточек берёзы. Хотя на улице была глубокая осень. Баба Нюра побледнела.

— Убирай, — сказала она. — Не смей надевать.

— Что это?

— Ярилов знак. Он зовёт.

Светлана посмотрела на венок.

— А если я надену?

Баба Нюра отвернулась к окну.

— Тогда увидишь его.

Светлана медленно подняла венок. Он был лёгким, почти невесомым. Но когда она коснулась цветов, по коже пробежало тепло — летнее, живое, невозможное в холодном октябрьском доме. И где-то далеко, за лесом, заржал белый конь.

Прошло немало времени пока они молча сидели за столом с остывшим чаем. Светлана уже собиралась уходить, когда баба Нюра вдруг сказала:

— Светлана.

Она обернулась. Старушка стояла у окна, спиной к ней. За стеклом темнел лес.

— Ты боишься Мораны?

— Да.

— Правильно. — Баба Нюра помолчала. — Но бойся, не потому, что она злая.

Светлана нахмурилась.

— Вы же сами сказали — она забирает имена, память, любовь.

— Забирает. — Баба Нюра повернулась. — Но не потому, что хочет причинить боль. А потому, что забыла, зачем её звали.

Светлана смотрела на неё.

— Я не понимаю.

— Когда-нибудь поймёшь. — Старушка подошла ближе, взяла её за руку. — Морана не враг, девочка. Морана — это зима. А зима не злая. Она просто приходит, когда её зовут.

Светлана сжала кольцо на пальце.

— А кто её зовёт?

Баба Нюра посмотрела на венок на столе. Потом на Светлану. И ничего не ответила. Только тихо сказала:

— Не спеши её ненавидеть. Иногда то, что кажется чудовищем, просто очень давно кто-то не обнял, не согрел…

И где-то далеко, за лесом, снова заржал белый конь.

Глава 3

Деревня без имён

Светлана взяла венок в руки, но не надела его. Она положила его на стол— осторожно, как кладут нож. Баба Нюра выдохнула, будто всё это время не дышала.

— Правильно, — сказала она. — Пока не время.

— А когда время?

Старушка не ответила. За окном снова заржал конь. На этот раз ближе. Светлана подошла к окну. За стеклом стояла ночь, чёрная и плотная. В свете луны у колодца кружился снег — хотя утром небо было ясным, а на дороге лежали только сухие листья.

— Баба Нюра, — тихо сказала Светлана. — Что со мной происходит?

Старушка села напротив. Её руки дрожали.

— Тебя выбрали.

— Кто?

— Не знаю. Но знаю одно: когда Ярилов знак приходит сам, без обряда, без песни, без согласия рода — значит, граница тонкая. Значит, Морана уже близко.

Светлана вспомнила бересту.

«Не верь Моране. Она уже нашла тебя.»

— А если я не хочу быть выбранной?

Баба Нюра посмотрела на неё с усталой жалостью.

— Тогда тебе придётся выбрать это нежелание. Каждый день. Иногда — каждую минуту.

На следующее утро в деревне пропал первый человек. Не умер. Пропало его имя. Светлана узнала об этом, когда пришла в магазин за хлебом. Магазин встретил её привычным запахом — свежего хлеба, сыра, моющего средства и сладкой пыли от леденцов. За прилавком стояла Зина. Она была в своём выцветшем фартуке, с усталым лицом, в котором всегда жила тихая доброта. Но сегодня Зина смотрела на Светлану пусто.

— Здравствуйте, — сказала Светлана.

Зина моргнула.

— Здравствуйте.

— Мне батон, пожалуйста.

Женщина кивнула, взяла батон, протянула его. Светлана достала деньги.

— Сколько с меня?

Зина посмотрела на ценник. Потом на Светлану. Потом снова на ценник.

— Не знаю, — сказала она.

— Что не знаете?

— Я не помню, как меня зовут.

Светлана застыла.

— Зина… это же ваше имя.

Женщина нахмурилась.

— Зина?

Она произнесла это так, словно услышала иностранное слово.

— Может быть. Не помню.

За прилавком, на стене, висела табличка: «Зинаида Петровна». Светлана показала на неё.

— Вот же. Зинаида Петровна.

Зина посмотрела на табличку. Её лицо стало белым.

— Это не я, — прошептала она. — Это кто-то другой.

Она отпрянула от стены, будто табличка ожила. Светлана схватила её за руку.

— Зина, послушайте меня. Вы Зинаида. Вы работаете в этом магазине. У вас есть сын, Миша, он учится в Пскове. Вы каждое утро печёте пироги с капустой.

Зина смотрела на неё. В её глазах медленно появлялось что-то похожее на узнавание.

— Пироги… — прошептала она. — С капустой…

И тут за окном хлопнула форточка. Зина вздрогнула. Узнавание исчезло.

— Кто вы? — спросила она. — И почему мы в магазине?

К вечеру пропали ещё трое. Старик Пётр Лукич забыл, где его дом. Он стоял посреди улицы, в старом ватнике, с пустыми глазами, и повторял:

— Это чья изба? Чья? Я не знаю.

Мальчик Миша, сын Зинаиды, перестал узнавать мать. Он стоял у калитки и смотрел на неё так, будто перед ним чужая женщина.

— Мама, — сказала Зинаида.

Миша помотал головой.

— Вы кто?

Женщина из дома напротив вышла на крыльцо, посмотрела на своих детей и спросила:

— Вы чьи?

Светлана бегала от дома к дому, но никто не помнил ничего надолго. Имена возвращались на несколько минут — если она называла их вслух, если напоминала о привычных вещах, — а потом снова исчезали.

Будто кто-то стирал их не с бумаг, а из самих людей.

Светлана остановилась посреди улицы. Вокруг неё стояли люди. Знакомые. Но чужие. Они смотрели на неё — и не узнавали. Она почувствовала, как поднимается паника.

— Вы же знаете меня, — сказала она. — Вы же видели меня вчера. Вы же здоровались со мной.

Никто не ответил. И тогда Светлана поняла: Морана забирает не просто имена. Она забирает связи. То, что делает людей людьми.

Вечером она вернулась к бабе Нюре.

Старушка сидела у печи. Перед ней на столе лежала горсть соли.

— Соль? — спросила Светлана.

— От забвения помогает. Иногда.

Баба Нюра взяла щепотку и бросила в огонь. Соль треснула.

— Морана пришла, — сказала она. — Не в деревню. В кровь.

Светлана сжала кольцо на пальце.

— Как её остановить?

— Нельзя остановить зиму.

— Но вы говорили, что хранительница держит границу.

— Держала. — Баба Нюра подняла на неё глаза. — Пока была жива.

— Прабабка Анастасия?

Старушка долго молчала. Потом медленно кивнула.

— Она не умерла.

Светлана замерла.

— Что?

— Все думали, что умерла. Похороны были. Гроб закрыли. Но тела в нём не было.

— Как это?

— Она ушла в Навь.

Светлана вспомнила чёрную воду, старую женщину в тёмном платке, серебряную нить.

— Я видела её, — выдохнула она. — Вчера. Во сне. Она сказала, что заключила договор с Мораной.

Лицо бабы Нюры изменилось.

— Она тебе сказала?

— Да. Что Морана забирала одну жизнь в каждом поколении. Что забрала мою маму.

Баба Нюра закрыла глаза.

— Значит, Настасья всё-таки нашла способ говорить.

— Она жива?

— В Нави нет жизни, как ты её понимаешь. Но она там. И она не может выйти.

— Почему?

— Потому что договор держит её. Морана забрала её имя. Без имени нельзя вернуться в Явь.

Светлана почувствовала, как кольцо на пальце становится горячим.

— А моё имя?

Баба Нюра открыла глаза.

— Твоё пока цело. Но Морана уже пробует его на вкус.

За окном что-то тяжело ударило в стену. Один раз. Потом второй. Светлана вскочила. На стекле, снаружи, отпечаталась ладонь. Большая. Ледяная. Из-под ногтей на стекле потянулись тонкие трещины. Баба Нюра перекрестилась.

— Не открывай, — прошептала она.

Но Светлана уже смотрела на дверь. За ней кто-то стоял. И тихо, почти ласково, произнёс её имя:

— Светлана.

Она замерла. Голос был мамин.

— Мама? — прошептала Светлана.

За дверью ничего не ответили. Только снег за окном перестал кружиться.

Баба Нюра схватила её за запястье.

— Не подходи.

— Это её голос.

— Морана умеет говорить голосами мёртвых. Она берёт их из памяти, из страхов, из того, о чём ты больше всего жалеешь.

Светлана смотрела на дверь. За ней снова раздался голос — тихий, тёплый, такой знакомый, что у неё свело горло.

— Света… открой. Я замёрзла.

Она сделала шаг вперёд. Баба Нюра удержала её.

— Нет!

— Но это мама.

— Это не мама. Твоя мама не может стоять за дверью. Твоя мама умерла двенадцать лет назад.

Светлана повернулась к ней.

— Откуда вы знаете?

Старушка опустила взгляд.

— Потому что я была на похоронах.

Светлана почувствовала, как внутри всё обрывается.

— Вы знали мою маму?

— Знала. — Баба Нюра сжала её руку сильнее. — И знала, что Морана забрала её не просто так. Твоя мать должна была быть хранительницей до тебя.

За дверью голос стал тише.

— Света… мне холодно. Почему ты меня не впускаешь?

Светлана зажмурилась.

Она помнила маму живой: как та пахла духами и кофе, как смеялась, закрывая лицо ладонью, как однажды в метро

крепко сжала её руку, когда поезд резко затормозил.

Но теперь она помнила и другое. Как мама перестала спать. Как смотрела в окно, не мигая. Как однажды сказала: «Если я уйду, не ищи меня у воды». Светлана открыла глаза.

— Мама никогда не просила открыть дверь, — сказала она. — Она всегда говорила: «Сначала посмотри, кто пришёл».

За дверью стало тихо. Потом голос изменился. Он стал ниже. Холоднее. В нём больше не было тепла — только бесконечная, терпеливая зима.

— Умница, — произнесла Морана. — Но ты всё равно откроешь.

Дверь затрещала, но не от удара. От холода. Дерево покрылось инеем. Ручка побелела. По полу от порога поползла тонкая полоска льда. Баба Нюра бросила в огонь горсть соли.

Пламя вспыхнуло красным.

— Уходи! — крикнула она. — Здесь тебе не место!

За дверью засмеялись. Светлана отступила к столу. На нём лежал венок. Васильки, ромашки, колокольчики, берёзовые веточки. Он не завял. Наоборот — цветы стали ярче, будто только что сорвали их в июльском поле.

— Надень, — сказала баба Нюра.

Светлана посмотрела на неё.

— Вы же говорили — не сметь.

— Тогда я говорила: не смей без нужды. Теперь нужда пришла.

Лёд добрался до её ног. Светлана подняла венок. Он был холодным. Но когда она надела его на голову, холод исчез. Вместо него по телу прошла волна тепла — не жаркая, а живая, как первый луч солнца после долгой зимы.

В ушах зазвенело. В воздухе запахло травой, нагретой землёй и дождём. Дверь распахнулась. На пороге стояла женщина. Высокая, тонкая, в белом одеянии. Волосы тёмные, чуть растрёпанные ветром.

Лицо — мамино. Но глаза были пустыми. Не чёрными. Просто пустыми. Как окна дома, в котором давно никто не живёт.

— Мама… — выдохнула Светлана.

Женщина сделала шаг внутрь. Баба Нюра вскинула руку и сыпнула солью, и между ними вспыхнула тонкая серебряная линия — как нить, которой морские волны вышивают пену. Тень остановилась.

— Она не твоя мама, — сказала старушка. — Это оболочка. Морана надела на неё память о твоей матери.

Светлана смотрела на женщину.

— Мама?

Тень наклонила голову.

— Я здесь, Света.

Голос был правильным. Слишком правильным. Светлана сжала кулаки.

— Мама никогда не называла меня Светой, когда была сердита. Она говорила: «Светлана Александровна».

Тень замерла. На одно мгновение в её глазах мелькнуло что-то живое. Страх.

Потом пустота вернулась.

— Морана знает всё, что ты помнишь, — сказала баба Нюра. — Но она не знает, что ты чувствуешь.

Светлана сделала шаг вперёд.

— Ты не моя мама.

Тень улыбнулась.

— Нет. Но я могу стать ею. Если ты позволишь.

Она протянула руку. На ладони лежал маленький чёрный цветок. Такой же, какой Велес вложил ей в руку в лесу.

— Возьми, — сказала тень. — И мама вернётся. Настоящая. Тёплая. Живая.

Светлана почувствовала, как внутри поднимается голод. Не её. Моранин. Он шептал: *возьми, возьми, возьми.* И она почти шагнула. Но в этот момент за окном заржал конь.

Громко. Ясно. Не как зверь — как призыв.

Светлана обернулась. За окном, на дороге, стоял белый конь. На нём сидел молодой мужчина в белой рубахе. Его волосы были светлыми, а глаза — золотыми в свете фонаря.

В руке он держал посох, увенчанный живыми цветами.

Ярило.

Он посмотрел на Светлану. И кивнул. Не как бог, приказывающий. Как человек, который пришёл вовремя. Тень у двери зашипела.

— Не слушай его, — прошипела она. — Он заберёт тебя.

Он всегда забирает.

Светлана посмотрела на маму-тень. Потом на венок у себя на голове.

И сказала тихо:

— Нет. Ты не моя мама.

Она сорвала с головы венок. И бросила его в огонь. Пламя вспыхнуло золотым. Тень закричала. Не голосом мамы — сотней голосов сразу: старых, молодых, детских, мужских. Она рассыпалась на чёрные нити, которые поползли обратно за дверь, в снег, в темноту. Дверь захлопнулась. В доме стало тихо. Баба Нюра медленно опустилась на стул.

— Ты справилась, — сказала она.

Светлана стояла у окна, дрожа. За стеклом Ярило спустился с коня. Он подошёл к дому.

Поднял голову. И посмотрел прямо на неё.

— Выходи, Светлана, — сказал он. — Морана нашла твоё имя. Теперь она знает, где ты живёшь.

Светлана сжала кольцо на пальце.

— А если я не выйду?

Ярило улыбнулся — печально и светло.

— Тогда она придёт и будет уже не за дверью. Она придёт внутрь.

Светлана посмотрела на бабу Нюру.

Старушка кивнула.

— Иди. Но помни: не бери из его рук ничего, пока не поймёшь цену.

Светлана открыла дверь. Холод ударил в лицо. Но Ярило стоял перед ней — и вокруг него снег не падал. Он зависал в воздухе, превращаясь в тысячи крошечных искр.

— Ты пришёл за мной, — сказала Светлана.

— Я пришёл, потому что ты позвала.

— Я не звала.

— Венок звал за тебя.

Он протянул руку. На ладони лежала не береста, не цветок, не кольцо. Зерно. Маленькое, золотое, тёплое.

— Что это? — спросила Светлана.

— Семя.

— Семя чего?

Ярило посмотрел ей в глаза.

— Выбора.

Светлана не взяла его.

— Баба Нюра сказала: не брать ничего, пока не знаю цену.

Ярило кивнул.

— Хорошая женщина. Она права.

— Тогда скажите цену.

Он помолчал.

— Если ты примешь семя, ты станешь хранительницей. Твоя жизнь изменится. Ты будешь видеть то, чего не видят другие. Слышать мёртвых. Чувствовать зиму раньше, чем она придёт. И однажды тебе придётся выбрать между мной и людьми.

Светлана сжала пальцы.

— А если я откажусь?

— Морана заберёт твоё имя. И однажды ты перестанешь помнить, кто ты.

Она посмотрела на тёмный лес. Потом на деревню, где люди уже начинали забывать друг друга. И приняла решение.

— Я не хочу выбирать между вами, — сказала она. — Я хочу остановить её.

Ярило убрал зерно.

— Тогда идём. Но не в лес.

— Куда?

— Туда, где умерла твоя прабабка.

Он указал на старую церковь на краю деревни.

— Там, где когда-то стояло капище.

Светлана нахмурилась.

— В церкви?

— Морана любит прятаться там, где люди меньше всего ждут старых богов.

Ярило протянул ей руку. На этот раз Светлана взяла её. И мир вокруг них тихо треснул.

Глава 4

Капище под церковью

Ярило не повёл Светлану в лес.

Он повёл её к старой церкви на краю деревни.

Она стояла на небольшом холме, за покосившимся забором. Белые стены потемнели от времени, крест на куполе накренился, а вокруг разрослись сухие кусты и высокая трава. Дверь была закрыта. На ней висел ржавый замок.

— Здесь? — спросила Светлана. — Но вы сказали — капище.

— Оно под ней.

Ярило подошёл к северной стене и положил ладонь на камень.

— Когда пришли новые боги, старые не исчезли. Их закопали. Затоптали. Построили поверх них дома, дороги, храмы. Люди решили: если забыть имя, оно перестанет иметь силу.

Он нажал.

Камень тихо щёлкнул.

В стене открылся узкий проход, ведущий вниз.

— Но земля помнит, — закончил Ярило. — Земля всегда помнит.

Светлана посмотрела в темноту.

— А вы уверены, что там безопасно?

Ярило обернулся.

В его золотых глазах мелькнула усталая улыбка.

— Нет.

Они спустились по узким каменным ступеням.

Внизу было холодно.

Пахло сырой землёй, воском и чем-то сладковато-гнилым — как яблоки, оставленные в подвале до весны. Стены были влажными, покрытыми тонким слоем мха. Вода капала где-то в темноте — медленно, размеренно, как часы.

Светлана зажгла фонарь на телефоне. Свет едва пробивал темноту.

Ярило шёл впереди.

Он был в тёмном плаще, накинутом на плечи. Под ним — белая рубаха, с вышивкой по вороту. Волосы растрёпаны ветром. На поясе — кожаный мешочек. В руке — посох.

Он оглядывался на Светлану. Не часто. Но каждый раз — чуть дольше, чем нужно.

Светлана заметила. И почему-то от этого стало теплее.

— Ты боишься? — спросил он.

— Да.

— Это нормально.

— А вы?

Он помолчал. Потом честно ответил:

— Тоже.

Светлана улыбнулась.

— Вы умеете быть честным.

Ярило посмотрел на неё.

— Только с тобой.

Ярило поднял посох. На его конце вспыхнуло золотое пламя. И Светлана увидела капище.

Оно не было похоже на то, что она представляла: ни каменных идолов, ни черепов, ни кровавых алтарей. Просто круглый зал, высеченный в земле. Стены были покрыты резьбой: деревья, звери, женщины с распущенными волосами, солнце с длинными лучами.

В центре стоял каменный круг. На нём лежали венки. Сухие. Старые. Некоторые из них превратились в труху, дотронься и они рассыпятся. Но в их середине ещё теплились крошечные огоньки.

— Здесь молились моему роду, — тихо сказал Ярило. — Здесь твоя прабабка впервые встретила Морану.

Светлана подошла к кругу. Кольцо на её пальце стало горячим.

— Анастасия была здесь?

— Да. Она пришла сюда молодой. Ей было девятнадцать. Морана обещала ей, что если она станет хранительницей, деревня переживёт голод, войну и болезни.

— И Анастасия поверила?

— Она хотела спасти людей. Это делает человека очень уязвимым.

Светлана наклонилась к камню. На нём были вырезаны слова. Старые, полустёртые. Она провела пальцами по строч-

ке. И прочитала вслух:

«Пока жива кровь, жива граница. Пока живо имя, жива надежда.»

Кольцо вспыхнуло. Пол под ногами дрогнул. Из темноты за алтарём донёсся звук. Медленные шаги. Кто-то шёл к ним. Ярило поднял посох. Золотой свет разлился по залу.

И из тени вышла Морана.

Она была не такой, как возле избы. Не в чёрном плаще, не с седыми волосами. На ней было белое платье, почти прозрачное, словно сотканное из тумана. Волосы лежали на плечах тяжёлой чёрной волной. Лицо было молодым и красивым — до боли, до страха.

Но глаза оставались зимними.

— Ты нашла капище, — сказала Морана. — Умно.

Светлана сжала кольцо.

— Вы знали, что мы придём.

— Я знала, что ты придёшь. Ярило — предсказуем. Он всегда идёт туда, где его ждут.

Ярило шагнул вперёд.

— Ты нарушила договор.

Морана улыбнулась.

— Какой договор? Тот, который твоя хранительница заключила, чтобы спасти деревню? Или тот, который ты сам одобрил, когда позволил людям забыть твоё имя?

Ярило сжал посох.

— Я не позволял.

— Ты спал, — спокойно сказала Морана. — Ты спал, пока они рубили твои деревья, жгли твои капища, называли твоих жриц ведьмами. Ты спал, пока я забирала их детей. А теперь проснулся — потому что пришла девушка с нужной кровью.

Светлана почувствовала, как внутри поднимается злость. Не на Морану.

На несправедливость.

— Вы не имеете права говорить, что он виноват, — сказала она.

Морана повернулась к ней.

— О. Невеста защищает своего бога.

— Я не невеста.

— Пока нет…

Морана сделала шаг вперёд. Там, где касалась земли её нога, трава покрывалась инеем. Он расползался по земле тонкими белыми нитями, поднимался по стволам берёз, заплетал ветви ледяными узорами. Ярило встал между Светланой и Мораной. Огонь у костра дрогнул, стал меньше — будто зима тянула к нему ладони.

— Ты не имеешь права забирать её, — сказал Ярило.

Морана улыбнулась.

— У меня нет прав, Ярило. У меня есть голод.

Она посмотрела на Светлану.

— И она уже начала понимать, каков на вкус страх.

Светлана сжала кулаки.

— Вы забрали имена у людей.

— Я забрала то, что они сами перестали ценить.

— Зина не хотела забывать своего сына.

— Нет. Но она забыла, зачем живёт. А когда человек забывает, зачем живёт, имя становится лишним.

Ярило поднял посох.

— Уходи, Морана.

— Нет.

Она подняла руку. Огоньки на венках погасли. Каменный круг треснул. Из трещин потянулся холод — не воздух, а что-то живое, с тысячей тонких пальцев. Он обвил ноги Светланы, пополз вверх по сапогам, к коленям. Ярило ударил посохом о пол. Золотая волна прокатилась по залу. Лёд зашипел. Но не отступил.

Морана рассмеялась.

— Ты всё ещё думаешь, что сила — это свет? Свет — это только то, что видно. А я живу там, где ничего не видно.

Она посмотрела на Светлану.

— Твоя прабабка пыталась меня остановить. Твоя мать пыталась убежать. А ты… ты уже носишь мой знак.

Светлана опустила взгляд на руку.

Под кожей снова проступали тонкие ледяные узоры.

— Нет, — прошептала она.

— Да.

Морана протянула руку.

— Отдай мне своё имя, и я отпущу деревню.

Светлана почувствовала, как холод поднимается к горлу.

Ярило повернул голову.

— Не слушай её.

— Если я откажусь, она заберёт всех, — сказала Светлана.

— Если согласишься — заберёт тебя.

Морана наклонилась ближе.

— Выбирай, невеста.

И в этот момент кольцо на пальце Светланы вспыхнуло серебром.

Из него вырвалась тонкая нить. Она обвилась вокруг запястья, поднялась к лицу, к губам — и Светлана услышала голос. Не Моранин. Не Ярилов. Голос прабабки.

«Не отдавай имя. Отдай память.»

Светлана замерла.

— Что? — прошептала она.

Морана сузила глаза.

— Что она сказала?

Светлана подняла голову.И впервые не почувствовала страха. Только ясность.

— Вы хотите моё имя, — сказала она. — Потому что имя — это то, что можно забрать.

Морана молчала.

— Но память нельзя забрать, если человек сам решает, что помнить.

Она сжала кольцо.

— Я помню маму. Я помню бабу Нюру. Я помню Зину. Я помню, как меня предали. И я помню, что всё равно выбрала

жить.

Белый свет ударил из кольца. Морана отшатнулась. Лёд треснул. Ярило шагнул вперёд.

— Теперь беги, — сказал он Моране. — Пока я ещё помню, почему должен тебя пощадить.

Морана посмотрела на них. И улыбнулась.

— Ты ещё не понял, Ярило. Я не бегу. Я жду.

Она растворилась в тени. А на каменном круге, где только что стояла Морана, остался чёрный цветок. И в его середине медленно раскрывался глаз.

Светлана стояла, дрожа. Ярило подошёл к ней. Не сразу. Сначала убрал посох. Потом снял с плеча плащ и накинул ей на плечи.

Плащ был тёплым. Не так, как тёплая одежда. Теплее. Будто в нём ещё жило лето.

Светлана взялась за края плаща, прижала их к груди.

— Ты замёрзла, — сказал Ярило.

— А вы?

— Я не мёрзну.

Светлана улыбнулась в ответ, это было впервые за весь вечер. Ярило посмотрел на неё и Светлана подняла глаза. Его глаза были золотыми. Не ярко-жёлтыми. Не как у кошки. Не как у солнца. Тёплыми. Глубокими. Как мёд, налитый в тёмный сосуд. Как янтарь, в котором застрял свет. Как осенние листья, подсвеченные изнутри. В них не было холода.

В них не было страха. Только усталость. И что-то ещё.

Что-то живое. Что-то, от чего у Светланы перехватило дыхание.

Она не отводила взгляда. И он — тоже. Между ними повисла тишина. Не тяжёлая. Не страшная. Тихая. Как перед первым поцелуем. Ярило сделал шаг ближе. Светлана почувствовала тепло его дыхания. Он наклонился. Не касаясь её. Не торопя. Просто наклонился.

И прошептал:

— Ты сильная.

— Я просто испугалась.

— Испугаться — не значит быть слабой.

Светлана опустила взгляд.

— Спасибо.

Ярило кивнул. Потом поднял руку. Медленно. Осторожно. И коснулся её щеки. Пальцы были тёплыми. Чуть шершавыми. Человеческими. Светлана не отстранилась.

Наоборот — чуть наклонилась к его ладони.

Ярило замер. В его золотых глазах мелькнуло что-то новое. Не страх. Не усталость. Что-то тёплое. Почти нежное.

— Светлана, — сказал он тихо.

— Что?

— Если Морана вернётся… я буду рядом.

Она подняла глаза.

Снова встретилась с его взглядом.

— Вы обещаете?

Он помолчал. Потом честно сказал:

— Постараюсь.

И это было честнее, чем обещание. Светлана улыбнулась. Ярило улыбнулся в ответ.

И на одно мгновение — только на одно — она почувствовала, что не одна.

Что рядом кто-то есть. Кто-то, кто видел её страх. И не отвернулся.

Глава 5

Огонь на границе

Чёрный цветок на каменном круге раскрыл глаз.

Он не мигал. Он смотрел. Светлана отступила назад.

Ярило схватил посох, но не ударил.

В зале стало тихо — так тихо, что было слышно, как капает вода где-то далеко под землёй.

— Что это? — спросила она.

— Дверь, — ответил Ярило. — Морана оставила её открытой.

— Куда?

— В Навь. К Настасье.

Светлана посмотрела на цветок. В его чёрных лепестках медленно проступал силуэт: старая женщина в тёмном платке, сидящая у огня. Анастасия. Она не двигалась, но Светлана почувствовала — прабабка звала её.

— Мы должны идти, — сказала Светлана.

Ярило кивнул.

— Но не сейчас.

— Почему?

— Потому что Морана хочет, чтобы мы вошли. Она оставила дверь не из милосердия. Она хочет заманить нас туда, где её сила больше.

— А если прабабка там?

— Тогда мы найдём другой путь.

Светлана сжала кольцо.

— Какой?

Ярило не успел ответить. Пол под ногами вспыхнул. Не чёрным огнём Мораны — золотым, яростным, чистым. Пламя поднялось стеной между ними и цветком. В его свете на мгновение появились тени: звериные лапы, крылья, длинный хвост, человеческие руки.

Из огня вышел мужчина.

Он был высок, широк в плечах, с кожей цвета раскалённой меди. Волосы у него горели — не как у человека с горящей головой, а так, будто пламя было его волосами. Глаза светились янтарём. За спиной шевелились крылья, похожие на крылья огромного сокола, но покрытые не перьями, а языками огня. Ярило узнал его раньше, чем он заговорил.

По огню. По жаре, которая ударила в лицо.

— Семаргл, — выдохнул Ярило.

Огненный бог остановился у стены пламени.

Он был не похож ни на Ярилу, ни на Морану.

Ярило был светом.

Морана — холодом.

Семаргл — жаром.

Он стоял, и от него пахло дымом, раскалённым камнем, горящей смолой. Его кожа была тёмной, бронзовой, будто он долго жил у огня. Волосы — не волосы, а языки пламени, которые поднимались вверх и не обжигали. Глаза — янтар-

ные, тяжёлые, старые.

На нём был не плащ.

Не рубаха.

Что-то среднее: тёмная ткань, покрытая золотыми узорами, которая не горела, хотя касалась огня. На груди — металлическая пластина, похожая на щит. На руках — браслеты из раскалённой меди.

Он выглядел как воин.

И как страж.

— Ярило. — Его голос был похож на треск костра и далёкий гром. — Ты снова хочешь пройти туда, куда не должен.

— Мне нужно найти Анастасию.

— Она мертва.

— Нет. Она в Нави.

Семаргл посмотрел на Светлану.

Его взгляд был тяжёлым, но не жестоким.

— И ты хочешь увести живую девушку в царство мёртвых.

— Она хранительница.

— Она человек.

Светлана шагнула вперёд.

— Моя прабабка там. И Морана забирает имена у людей в деревне. Я должна это остановить.

Семаргл долго смотрел на неё.

Потом перевёл взгляд на Ярилу.

— Ты хочешь открыть врата. Морана хочет открыть врата. А кто спросил землю, хочет ли она, чтобы между её жилами

снова ходили боги?

Ярило сжал челюсти.

— Земля зовёт меня.

— Земля терпит тебя, — ответил Семаргл. — Это не одно и то же.

Он поднял руку.

Стена огня стала выше.

— Никто не пройдёт.

Морана вышла из тени. Она не удивилась. Она даже не смотрела на Семаргла — только на Светлану.

— Как предсказуемо, — сказала она. — Огонь всегда думает, что может остановить зиму.

Семаргл повернул голову.

В его глазах вспыхнуло пламя.

— А зима всегда думает, что может заморозить всё живое. Но я — не живое. Я — то, что остаётся, когда всё остальное сгорает.

Он шагнул вперёд. Пол под его ногами раскалился добела. Морана подняла руку. Холод ударил в огонь. Пламя зашипело, стало синим, затем белым. По стенам капища побежали трещины. Камни начали покрываться инеем. Светлана почувствовала, как холод пробирается под одежду, к коже, к костям.

Ярило встал рядом с ней.

— Семаргл, не мешай нам.

— Я не мешаю. Я охраняю.

— От кого?

— От вас обоих.

Семаргл посмотрел на Морану.

— Ты хочешь войти в Навь, чтобы забрать последнюю хранительницу. А ты, Ярило, хочешь войти за ней — и, возможно, сжечь границу, лишь бы вернуть то, что потерял.

Ярило побледнел.

Светлана повернулась к нему.

— Это правда?

Он не ответил сразу.

И это было хуже, чем ложь.

— Ярило? — повторила она.

Он опустил посох.

— Если граница падёт, я смогу вернуться. Полностью. Не на одну весну. Не на один день. Навсегда.

Светлана почувствовала, как внутри что-то холодеет.

— Ты хотел использовать меня.

— Нет.

— Тогда почему ты молчишь?

Ярило посмотрел ей в глаза.

— Потому что я боюсь, что ты перестанешь мне верить.

Морана тихо рассмеялась.

— Вот видишь? Даже боги боятся правды.

Семаргл поднял руку. Огонь ударил в пол. Между Светланой, Ярилой и Мораной выросла стена пламени — высокая, плотная, почти живая. В ней мелькали лица. Люди из

Кривичей.

Зинаида. Пётр Лукич. Дети. Старики. Они не кричали. Они смотрели на Светлану.

И шептали:

«Не дай им открыть дверь.»

Светлана отшатнулась.

— Что это?

— Явь, — ответил Семаргл. — Она чувствует, что ты можешь стать ключом. И боится.

Морана сделала шаг к огненной стене.

— Я не боюсь огня.

— Тогда попробуй.

Она коснулась пламени. Огонь не обжёг её. Он замерз. Пламя покрылось льдом — сверху вниз, язык за языком. Стена потемнела. Семаргл зарычал, и жар ударил в ответ, но мороз полз дальше.

Светлана увидела: Морана не пыталась пройти. Она пыталась погасить границу.

— Она хочет не войти в Навь, — поняла Светлана. — Она хочет разрушить проход.

Семаргл кивнул.

— Теперь понимаешь.

Ярило поднял посох.

— Тогда мы должны войти раньше, чем она успеет.

— Нет, — сказал Семаргл. — Если вы войдёте, Морана получит то, что хочет: живую хранительницу внутри Нави,

когда граница ослаблена.

Светлана посмотрела на чёрный цветок. Глаз в его середине моргнул.

И она услышала голос прабабки:

«Не через дверь. Через кровь.»

Светлана подняла руку. Кольцо вспыхнуло. Но на этот раз свет был не золотым и не серебряным. Белым. Таким же, как Зимнее Солнце.

Семаргл отшатнулся.

— Стой!

Но было поздно. Кольцо обожгло кожу. Светлана закричала — и в её крике снова зазвучал древний звук: треск льда, первый гром, дыхание земли. Огненная стена дрогнула.

Морана улыбнулась.

— Вот теперь ты стала интересной.

А из-под пола, из трещин, поднялась чёрная вода.

Не вода Нави.

Не вода Яви.

Что-то третье.

И в этой воде отразились три бога — Ярило, Морана и Семаргл, — но не такими, какими Светлана видела их раньше.

Не в человеческих лицах.

Не в привычных одеждах.

В своих истинных обличиях.

Ярило отразился молодым богом на белом коне. Его волосы были светлыми, почти белыми, словно солома на солн-

це. На голове — венок из полевых цветов и молодых побегов. На плечах — белая рубаха, расшитая красными нитями: солнцами, колосьями, ветвями. В одной руке — посох, увенчанный живыми цветами. В другой — пучок колосьев. Лицо — красивое, открытое, чуть насмешливое. Глаза — золотые, тёплые, как летний полдень. Вокруг него кружились бабочки, пчёлы, лепестки. Под ногами коня расцветала трава.

Морана отразилась высокой женщиной в белом, почти прозрачном платье. Волосы — чёрные, длинные, тяжёлые, как ночь. Лицо — красивое, но холодное, неподвижное. На голове — венок из сухих цветов и тонких ветвей. В руках — серп и череп. Вокруг неё кружился снег. Под ногами — лёд. За спиной — тени, которые тянулись длинными нитями.

Семаргл отразился огромным огненным существом. Тело — как у человека, но выше, шире, сильнее. Кожа — тёмная, бронзовая, раскалённая. Волосы — языки пламени. Глаза — янтарные, горящие. За спиной — крылья, похожие на крылья сокола, но покрытые не перьями, а огнём. В одной руке — меч. В другой — горящий посох. Вокруг него — дым, искры, жар.

А между ними, маленькая и одна, стояла Светлана.

В своём тёмном пальто.

С мокрыми волосами.

С кольцом на пальце.

И она поняла: боги не были людьми.

Они были силами.

Стихиями.
И она — единственная, кто мог их соединить.
Или разрушить.

Глава 6

Плата за проход

Чёрная вода поднималась медленно. Она не шумела. Не плескалась.

Она просто росла — тихо и неотвратимо, как поднимается уровень реки перед ледоходом, когда лёд ещё держится, но уже чувствует, что скоро треснет.

В ней отражались Ярило, Морана и Семаргл, но их отражения изменились и не совпадали с реальностью: Ярило в воде был стариком, Морана — девочкой, а Семаргл — погасшим углём.

Только Светлана отражалась такой, какая была. И это пугало больше всего.

Семаргл опустил руку. Огненная стена дрогнула, но не исчезла. Пламя сжалось, стало плотным, почти прозрачным — как раскалённое стекло.

— Стой, — сказал он Светлане. — Не используй Зимнее Солнце.

— Почему?

— Потому что оно не принадлежит ни Яви, ни Нави. Оно принадлежит границе. И если ты разбудишь его здесь, граница не выдержит.

Морана усмехнулась.

— Наконец кто-то сказал правду.

Ярило повернулся к Семарглу.

— Тогда скажи, что нам делать.

Огненный бог посмотрел на чёрный цветок. Глаз в его середине всё ещё наблюдал.

— Есть один путь, — произнёс Семаргл. — Но он не бесплатный.

Светлана сжала кольцо.

— Вы хотите плату.

— Я хочу равновесие. — Семаргл шагнул ближе. Огонь у его ног не жёг землю, но плавил иней. — Каждый, кто пересекает границу, должен оставить что-то по эту сторону. Иначе Навь начнёт тянуть Явь внутрь.

— Что именно? — спросила Светлана.

Семаргл посмотрел на Ярилу.

— От тебя я возьму силу.

Ярило напрягся.

— Какую?

— Ту, что позволяет тебе возвращаться каждую весну. Ты войдёшь в Навь человеком — не богом. И если не вернёшься до рассвета, останешься там навсегда.

Светлана резко повернулась к нему.

— Нет.

Ярило посмотрел на неё спокойно.

— Это честная цена.

— Но вы же бог.

— Был. — Он слабо улыбнулся. — Люди забыли меня.

Морана забрала мою силу. А теперь я хочу вернуть хотя бы часть того, что потерял. Семаргл предлагает мне шанс — но не дарит его.

Семаргл кивнул.

— Ты войдёшь смертным. Твоя божественная сущность останется здесь, в огне. Если Морана убьёт тебя в Нави, я не смогу тебя вернуть.

Светлана почувствовала, как внутри поднимается страх — уже не Моранин, а её собственный.

— А я? — спросила она. — Что возьмёте с меня?

Семаргл долго молчал. Потом перевёл взгляд на её руку, где под кожей ещё виднелись ледяные узоры.

— С тебя я возьму память.

— Какую?

— Одну. Но выбирать будешь не ты.

Светлана отшатнулась.

— Нет.

— Ты должна понять цену, прежде чем просить прохода.

— Но это может быть мама. Или бабушка. Или… — Она осеклась. — Или Артём.

Семаргл кивнул.

— Возможно.

— Я не хочу забывать.

— Тогда не входи.

Морана наклонила голову.

— Какая жестокая сделка, Семаргл. Ты забираешь у него

божественность, а у неё — память. И оставляешь нас наедине с моей территорией.

Семаргл повернулся к ней.

— А с тебя, Морана, я возьму обещание.

Она подняла бровь.

— Какое?

— Ты не тронешь Светлану, пока она в Нави. Не будешь звать её именем. Не будешь посылать тени. Не будешь шептать через воду, огонь, сон или кровь.

Морана рассмеялась.

— И это всё?

— Нет. — Семаргл сжал кулак. — Если она выйдет живой, ты отпустишь имена жителей Кривичей.

Тишина стала тяжёлой. Морана перестала улыбаться.

— Ты требуешь слишком много.

— Я требую ровно столько, сколько ты уже забрала.

— А если я откажусь?

Семаргл поднял руку. Огонь вокруг него вспыхнул белым.

— Тогда я запру эту дверь. Навсегда. И твоя прабабка, Светлана, останется в Нави. А деревня будет забывать себя, пока от неё не останутся дома без хозяев.

Светлана посмотрела на Ярилу. Он стоял неподвижно.

— Ты согласен? — спросила она.

— Да.

— Даже если не вернётесь?

— Даже так.

Она сжала губы.

— А если я забуду вас?

Ярило помолчал.

Потом сказал тихо:

— Тогда я найду способ напомнить.

Семаргл протянул руку.

На ладони вспыхнули три огонька: золотой, серебряный и чёрный.

— Это не подарки, — сказал он. — Это метки. Когда вы пересечёте границу, они сгорят. Если кто-то из вас нарушит условие, метка вернётся ко мне — и заберёт то, что я оставил в залоге.

Светлана посмотрела на чёрную воду. Там всё ещё стояла прабабка. Ждала.

— Я согласна, — сказала она.

Семаргл коснулся её лба пальцем. Боль была мгновенной. Светлана увидела вспышку: мама на кухне, Артём у окна, баба Нюра с чаем, лес, береста, Ярило на белом коне. А потом одна из картинок погасла. Она не поняла, какая. Просто почувствовала: в её памяти стало на одно воспоминание меньше. И это было страшнее, чем боль.

Семаргл повернулся к Яриле.

— Готов?

Ярило кивнул. Огонь обвил его руки, плечи, лицо. Светлана закричала, но Ярило не отшатнулся.

Пламя не сожгло его — оно вытянуло из него золотой

свет, длинными нитями, как вытягивают нить из кокона. Когда огонь погас, Ярило стоял перед ней другим.

Он всё ещё был красив. Всё ещё высок. Но глаза стали человеческими — серо-зелёными, усталыми. На виске проступила седая прядь. Он больше не был богом. Он стал человеком.

Светлана шагнула к нему.

— Ярило…

— Не сейчас, — тихо сказал он. — Потом.

Семаргл повернулся к Моране.

— Твоя очередь.

Морана протянула руку. Огонь обвил её запястье. Она не закричала. Только улыбнулась — холодно, почти с уважением.

— Ты умнее, чем я думала, Семаргл.

— Я не умнее. Я старше.

Огонь погас.

На запястье Мораны остался чёрный след — тонкий, как ожог.

Но Морана не ушла. Она посмотрела на чёрный цветок. Глаз в его середине всё ещё наблюдал. И Морана улыбнулась.

— Ты правда думаешь, что я отдам имена?

Семаргл нахмурился.

— Ты обещала.

— Я обещала, если она выйдет живой. Но кто сказал, что она выйдет?

Светлана замерла. Ярило сжал кулаки.

— Ты нарушила договор.

Морана рассмеялась.

— Я не нарушала. Я просто не сказала всей правды.

Она подняла руку. Чёрная вода вздрогнула. Из неё поднялись тени — сотни бледных рук, тонких, мёртвых. Они потянулись к Светлане.

Семаргл зарычал.

— Ты предала нас.

— Я — зима, — сказала Морана. — Я не предаю. Я просто прихожу.

И бросилась вперёд. Ярило шагнул ей навстречу. Но он больше не был богом. Он был человеком. И Морана это знала. Она ударила его ладонью. Холод ударил в грудь. Ярило отлетел назад, ударился о стену, упал. Светлана закричала. Семаргл рванулся вперёд.

Семаргл рванулся вперёд — не как человек, не как воин, а как стихия, которая долго сдерживала себя и наконец сорвалась с цепи, — и огонь ударил в Морану не языком пламени, а волной, которая накатила по залу, расплавляя иней на стенах, заставляя камни шипеть и покрываться чёрными пятнами, отчего воздух дрогнул так сильно, что Светлана почувствовала жар на лице, хотя стояла в десяти шагах от них.

Морана отшатнулась, но не упала: пламя обвивало её руки, однако не горело, а замерзало, покрываясь тонкой белой коркой, словно иней на стекле, и она смеялась — тихо, хо-

лодно, с той спокойной уверенностью, с которой зима смеётся над последним листом на дереве.

— Ты всё ещё думаешь, что можешь меня остановить?

Семаргл ударил её посохом — не деревянным, а выкованным из раскалённой меди, с навершием в виде солнца, — и когда металл коснулся пола, по капищу прокатилась волна жара, от которой камни на полу раскалились добела, мох на стенах сгорел, а вода в трещинах закипела, поднимая пар, который тут же превратился в иней.

Морана отшатнулась, но не упала: она подняла руку, и лёд пополз по полу — не тонкой коркой, а толстым слоем, который поднимался из трещин, обвивал камни, заплетал стены, полз по рукам Семаргла, покрывал его пальцы белой коркой, поднимался к локтям, к плечам, к груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.